

Олег ПУЛЯ

РОССИЯ И ГОЛОД

История длиной в девять столетий: 1024–1917

Голод частенько хозяйничал на Руси – собственно, вся история ее представляет собой долгую череду голодных годов. Не лучшие климатические условия влекли за собой неурожаи, и обеспечение населения продовольствием стало важнейшей отраслью государственного управления – и самым древним общественным вопросом, отмеченным еще в летописях XI века. Первое письменное упоминание о голоде относится к 1024 году, когда жители Суздальской земли отправились вниз по Волге и «привезоша хлеб из Болгар». Впрочем, как в 1819 году констатировал Комитет министров, в Российской империи «по обширности ее и по разнообразию климатов и почвы земли повсеместного голода никогда не было и быть не может, каков бы ни был недород, в некоторых районах от потребления должны оставаться в остатке десятки миллионов четвертей» хлеба, а потому «при свободной торговле хлебом, при удобстве сообщений и при благоразумной предусмотрительности не только голода, но даже и недостатка в хлебе нигде быть не должно». Но крестьянство российское – голодало...

Гость частый, гость нежеланный

По подсчетам известного дореволюционного исследователя голода профессора В.Н. Лешкова, за первые 600 лет христианской истории Руси – с XI по XVI век – на каждое столетие приходилось в среднем по восемь тяжелых неурожаев, которые случались раз в 13 лет. Особенно жестоким голодом были отмечены 1024, 1070, 1092, 1128, 1215, 1230–1231, 1279, 1309, 1332, 1422, 1442, 1512, 1553,

1557 и 1570 годы, и причины были теми же, что и в более близкие к нам времена, – холодная весна, засуха или избыток дождей, ранние морозы или нашествие саранчи...

В самом начале XVII столетия, в смутные времена Бориса Годунова, на Русь обрушился чудовищный трехлетний голод. В 1601 году все лето шли дожди, а грянувшие следом ранние морозы довершили гибель урожая: «побил мороз сильный всяк труд дел человеческих в полях». На следующий год урожая не было тоже, и к 1603-му положение стало катастрофическим. Из-за безудержной спекуляции остатками хлеба стоимость его выросла почти стократно, несмотря на царские указы, воспрещавшие продавать хлеб по заповедным ценам. Надо отдать должное Борису Годунову – он раздавал народу деньги, преследовал перекупщиков, открыл двери царских амбаров, но и его возможностей не хватило, тем более что, прознав о раздаче хлеба, голодающие со всей страны потянулись в Москву за царской милостью... Только в Москве от голода умерло тогда более 127 000 человек. В народе говорили, что неслыханный голод – это кара Божья за несправедное царствование Годунова. Но Годунова вскоре не стало, а голод разразился вновь в 1608-м, а затем в 1630 и 1636 годах. Царствование Алексея Михайловича было отмечено множеством неурожаев, и голод 1650-го даже вызвал бунт во Пскове, который с трудом получилось усмирить без применения военной силы.

На протяжении XVII–XIX столетий число неурожаев возрастало: так,

в XVIII веке случилось 34 крупных неурожаев, а только за первую половину XIX века – 35; в 1842 году правительство сокрушенно признало, что неурожаи и голод, ими вызванный, повторяются каждые 6–7 лет. Как особо тяжелые можно отметить вспышки голода из-за неурожаев 1868, 1873, 1880 и 1883 годов, а в 1891–1892 годах голод поразил сразу 16 российских губерний европейской части России с 35-миллионным населением (особо пострадали Нижегородская, Воронежская, Казанская, Тамбовская и Самарская губернии) и 20 губерний Поволжья с населением 40 миллионов.

Если же взять правление Николая II – времена наивысшего экономического развития Российской империи, – то из-за недородов зерновых крестьянство голодало в 1901, 1905, 1906, 1908, 1911 годах. Газеты привычно сообщали о фактах голода, призывали к оказанию помощи и денежным пожертвованиям в пользу голодающих, но при этом каждый год российские купцы и помещики вывозили за рубеж до 9 млн тонн отборного зерна!

Костявая рука бесхлебицы

Люди, доведенные до последней крайности, зачастую употребляли в пищу немислимые вещи – летописи свидетельствуют, что в 1121-м и 1214–1215 годах в Новгороде ели «лист липов, кору березовую, а иные мох, конину», в 1230–1231-м «иные резали людей живых и ели, а иные мертвые мяса ели, а другие конину, псину, кошки». В жуткий голод 1601–1603 годов ели сено, солону, собак, кошек, мышей, всякую падаль и такую мерзость, что, по



словам летописца, «писать недостойно». В 1734–1735 годах крестьяне Нижегородской губернии питались дубовой корой и желудями, в 1822-м в Олонецкой губернии вместо муки использовали сосновую кору, а в 1833-м хлеб пекли из желудей и коры, смешивая остатки муки с глиной. Даже в 1891 году, до того как подоспела правительственная помощь, во многих местах роскошью считалась даже лебеда. Интересно, что Министерство внутренних дел само публиковало рецепты всяких суррогатов: в 1840 и 1843 годах оно рекомендовало смешивать муку со свекловичной, делать хлеб из винной барды или из смеси ржаной муки и картофеля.

Часто дело было даже не во всеобщей нехватке продовольствия, а в том, что правительство оказывалось не способным маневрировать запасами хлеба, вовремя перемещая их в голодающие губернии. Например, в 1873 году на самаро-оренбургской, левой стороне Поволжья крестьяне пухли с голоду из-за острой нехватки хлеба, в то время как на саратовской, правой стороне выдался редкий урожай и хлеб не удавалось продать даже по самой низкой цене. В Казанской губернии в 1894 году казанские крестьяне голодали, при том что на волжско-камских пристанях той же губернии гнили, не найдя сбыта, 225 000 тонн хлеба. Даже в 1891-м, когда неурожай поразил весь восток европейской части империи, урожай хлебов в малороссийских, новороссийских, юго-западных, прибалтийских губерниях и на севере Кавказа был столь большим, что

общероссийский урожай оказался много выше 230 кг на душу, которые считались тогда достаточными для пропитания человека в течение года.

Впрочем, голод вызывался и совсем другими причинами – отсутствием доходов и, следовательно, денег у населения. При Александре III был достигнут заметный экономический подъем промышленности и сельского хозяйства, но подъем этот дорого обошелся крестьянину – даже в особо голодные годы русский хлеб поставлялся за границу миллионами тонн. «Сами недоедим, но вывезем», – говорил министр финансов И.А. Вышнеградский, не уточняя, кто именно недоедает. Император голодающими крестьянами тоже не особо интересовался – один из современников свидетельствовал: «Александра III раздражали упоминания о голоде как слове, выдуманном теми, кому жрать нечего. Он высочайше повелел заменить слово «голод» словом «недород», и Главное управление по делам печати разослало незамедлительно строгий циркуляр».

Обеспечение продовольствия народного

Государственная власть издавна реагировала на недороды хлебов и полные неурожай разными мерами помощи населению, но меры эти часто

были временными и бессистемными. Например, поощрялся ввоз хлеба в охваченные неурожаем местности и воспрещался его вывоз, каралась скупка хлеба с целью спекуляции, цены регулировались установлением особых такс и продажей по низким ценам запасов зерна из царских житниц; иногда власть прибегала даже к конфискации частных запасов хлеба для продажи или раздачи голодающим. При этом кормить несвободных людей обязаны были их владельцы – так, по Уложению 1649 года боярам и всяких чинов людям прямо наказывалось во время голода кормить своих холопов; не исполнивший это мог утратить права на них – например, холоп, в голодное время прогнанный боярином со двора, получал полную свободу.

Единая система обеспечения народа продовольствием начала вырабатываться только в XVIII веке. Петр I в 1723–1724 годах посчитал необходимым создать для этого особые правительственные учреждения, которые бы решали, «каким образом во время недорода народ довольствовать», и заботились, чтобы «везде запасной хлеб был, дабы в неурожайные годы народ голоду не терпел». Интересны меры, с помощью которых самодержец-реформатор боролся с голодом. Когда после недорода



«Пшеницу, хорошую чистую рожь мы отправляем за границу, к немцам, которые не станут есть всякую дрянь. Лучшую, чистую рожь мы пережигаем на водку, а самую что ни на есть плохую рожь, с пухом, костером, сивцом и всяким отбоем, получаемым при очистке ржи для винокурен, – вот это ест уж мужик. Но мало того, что мужик ест самый худший хлеб, он еще недоедает. Если довольно хлеба в деревнях – едят по три раза; стало в хлебе умаление, хлебы коротки – едят по два раза, налегают больше на яровину, картофель, конопляную жмаку в хлеб прибавляют. Конечно, желудок набит, но от плохой пищи народ худеет, болеет, ребята растут туже, совершенно подобно тому, как бывает с дурносодержимым скотом... Имеют ли дети русского земледельца такую пищу, какая им нужна? Нет, нет и нет. Дети питаются хуже, чем телята у хозяина, имеющего хороший скот. Смертность детей куда больше, чем смертность телят, и если бы у хозяина, имеющего хороший скот, смертность телят была так же велика, как смертность детей у мужика, то хозяйничать было бы невозможно. А мы хотим конкурировать с американцами, когда нашим детям нет белого хлеба даже в соску? Если бы матери питались лучше, если бы наша пшеница, которую ест немец, оставалась дома, то и дети росли бы лучше, и не было бы такой смертности, не свирепствовали бы все эти тифы, скарлатины, дифтериты. Продавая немцу нашу пшеницу, мы продаем кровь нашу, то есть мужицких детей». (А.Н. Энгельгардт, «Письма из деревни». Журнал «Отечественные записки», 1872–1882).



«Причины современных голодовок не в сфере обмена, а в сфере производства хлеба, и вызываются прежде всего чрезвычайными колебаниями русских урожаев в связи с их низкой абсолютной величиной и недостаточным земельным обеспечением населения, что не дает ему возможности накопить в урожайные годы денежные или хлебные запасы. Наряду с низкой урожайностью одной из экономических предпосылок наших голодовок является недостаточная обеспеченность крестьян землей. В черноземной России 68% населения не получают с надельных земель достаточно хлеба для продовольствия даже в урожайные годы и вынуждены добывать продовольственные средства арендой земель и посторонними заработками. Какими бы другими источниками заработков ни располагало крестьянство, даже в среднеурожайные годы в черноземных губерниях целые группы крестьянских дворов находятся на границе продовольственной нужды, а опыт последней голодовки 1911 г. показал, что и в сравнительно многоземельных юго-восточных губерниях после обильных урожаев 1909 и 1910 г. менее 1/3 хозяйств сумело сберечь хлебные запасы. («Новый энциклопедический словарь». СПб., Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1913).

1722 года люди начали умирать от бесхлебицы, император в феврале 1723-го повелел рассчитать, сколько зерна требуется каждому помещику для себя и для своих крестьян на весенний сев, а оставшийся сверх этого хлеб отдать неимущим для пропитания (правда, с последующим безоговорочным возвратом). По царскому указу у купцов отбирали хлеб, скупавшийся для спекуляции, и продавали его народу в Санкт-Петербурге и Москве – с тем расчетом, чтобы купцам, у которых этот хлеб отобрали, приходилось бы сверх закупочной цены и пошлин не более 10 копеек прибыли на рубль; также на время неурожая из жалования всех государственных служащих одна четверть вычиталась в пользу голодающих. Хлеб из-за границы дозволено было ввозить беспошлинно, и в апреле 1724-го заграничного хлеба ввезли более чем на 200 000 рублей – купцы могли торговать им с прибылью для себя не более 10 копеек на рубль за зерно и не более 20 копеек за муку. А в январе 1725 года, за две недели до своей кончины, Петр I подписал указы, направленные против повышения цен на продовольствие и защищавшие покупателей от алчных торговцев.

Спустя 10 лет, в 1734-м, при императрице Анне Иоанновне, снова был поднят вопрос, «как бы во всех местах недостаток от хлебных недородов отвратить». Начинается устройство хлебных запасных магазинов, производятся закупки хлеба для

последующей раздачи его в ссуду, а главное – верховная власть подтверждает обязанность помещиков, синодальных и дворцовых управителей в случае неурожая кормить своих крестьян, а также под страхом высоких штрафов и «жесточайшего и вечного разорения без всякого милосердия» не допускать хождения крестьян по миру за милостыней.

При Елизавете Петровне в 1761 году Сенат своим указом не только подтверждает обязанность владельцев продовольствовать крестьян, но и предписывает помещикам, дворцовым, синодальным, архиерейским и монастырским вотчинам создать запасы продовольственного и семенного зерна с расчетом, чтобы их хватило как до ближайшей жатвы, так и еще минимум на год. Правительство тем самым слагало с себя заботы по пропитанию голодающих – указывалось, что в случае неурожая «принуждены будут нерадивые о экономии своей помещики по тогдашней цене покупать хлеб и неимущих крестьян своих довольствовать».

Создание хлебных запасов становится предметом особой заботы правительства. Так, Екатерина II в 1762 году одним из первых своих указов повелела во всех городах устроить го-

сударственные хлебные магазины, чтобы препятствовать дороговизне и чтобы, по словам императрицы, цена хлеба всегда в ее руках была. Впрочем, правительственная комиссия, подсчитав, что расходы на осуществление проекта составят 126 млн рублей, признала это предприятие «напрасным, бесполезным, невозможным и вредным казне и сущей всего обществу пользе»; предполагалось, что поставленных императрицей целей вполне можно достичь общеэкономическими мерами – развитием хлебной торговли, улучшением путей сообщения и т.п. Комиссия рекомендовала учредить повсюду хлебные магазины не за государственный счет, а на средства помещиков, местных начальников и городских магистратов... Дело это шло ни шатко ни валко, пока принятый в 1799 году закон не установил завести хлебные магазины во всех без различия селениях, состоящих более 50 дворов; содержаться в них должны были хлебные запасы, достаточные на год на каждую ревизскую душу. Только после этого устройство хлебных запасов пошло успешнее.

Законодательная работа в области продовольствия народного продолжалась. В 1807 году на обсуждение дворянства был вынесен вопрос, как лучше и удобнее и под чьим надзором и ответственностью пополнять хлебом и содержать сельские запасные магазины. Был сделан вывод, что устройство таких магазинов «при всем просторном в России хлебопашестве, но неодинаковом успехе оного, необходимо», однако требует надзора со стороны лиц, которым вернее всего известно

Изба умершего от голода крестьянина в деревне Кадомки Нижегородской губернии, 1892 год



Карикатура из сатирического журнала Punch, Англия, октябрь 1891 года



Голодающий крестьянин – Александру III, несущему денежный мешок с надписью «заем»: «Это не мне, батюшка?» Из миллиардных займов, которые Россия тогда получала на Западе, голодающим не доставалось ни копейки

состояние продовольственных дел в каждой губернии, и при губернских правлениях были образованы особые комитеты по продовольствию народному. Подписанный Александром I в 1822 году высочайший указ утвердил новые основания составления хлебных запасов и денежных капиталов, предназначенных для вспомоществования в неурожайные годы. Впрочем, при неурожае 1833-го оказалось, что наличность запасного хлеба не покрывала и половины всех требований,

Раздача хлеба в ссуду крестьянам в городе Княгинино Нижегородской губернии, 1892 год



а в губерниях, учредивших денежные запасы, они не составили и 30% сумм, необходимых на оказание пособий. В результате правительству пришлось потратить на закупку хлеба и выдачу ссуд на продовольствие более 30 млн рублей.

После этого высочайшим повелением был учрежден комитет, которому поручалось привести дела продовольственные в более удовлетворительное состояние; выработанное комитетом «Положение о запасах для пособия в продовольствии» было рассмотрено Государственным советом и утверждено летом 1834 года. Документом предусматривалось повсеместное устройство как хлебных запасов, так и денежных, а главное – вводилась под-

робнейшая система формирования запасов и выдачи продовольственных и денежных ссуд. Например, капиталами в пределах 35 000 рублей ассигнациями распоряжались губернские комиссии по продовольствию народному, до 60 000 сверх того могло быть употреблено с разрешения министра, расходы на большую сумму разрешал исключительно Комитет министров. Ссуды выдавались на трехлетний срок, их возврат в селениях свободных хлебопашцев обеспечивался круговой порукой, а у помещичьих крестьян – именем владельца этих крестьян.

Тем не менее окончательного порядка добиться так и не удалось. Во время реформы 1861-го, отменившей крепостное право, выяснилось, что правительственные распоряжения не всегда и не везде исполнялись с должной точностью, в некоторых помещичьих имениях магазинов вовсе не строили и

хлеба, из которого составлялись запасы, с крестьян не собирали, а в других общественный хлеб засыпался в амбары помещика и обращался в его собственность; помещики, собирая с крестьян деньги на обустройство магазинов, часто употребляли собранные суммы не по назначению. В продовольственных делах царил полнейший хаос – по словам губернатора Нижнего Новгорода, не менее половины помещиков и крестьян Нижегородской губернии можно было бы отдать под суд за те растраты хлеба, которые вскрылись в 1861 году.

После отмены крепостного права с помещиков были сняты все обязанности по продовольствию крестьян, устройство сельских запасных магазинов отнесено к числу обязательных мирских повинностей, назначение ссуд из них предоставлено сельским сходам, а надзор за целостностью общественного хлеба возложен на сельских старост. С осени 1862 года хлеб отпускался нуждавшимся крестьянам только в количествах, требующихся для засева обрабатываемой земли, а на пропитание – по мере действительной необходимости; не допускалось разделение хлебных запасов поголовно между всеми крестьянами. Способы обеспечения народного продовольствия были оставлены прежние – хлебные запасы и денежные капиталы, но при этом допускалась замена хлебных запасов деньгами при условии, что деньги взамен хлеба вносятся по высшей из годовых среднесложных справочных цен за предыдущие 10 лет.

Весной 1874 года новый закон изменил порядок работы сельских запасных магазинов – отныне уездные земские управы обязаны были производить ревизии магазинов для выяснения, находится ли в них надлежащее количество хлеба, хорошего ли он качества, вполне ли правильно производились ссуды и своевременно ли они возвращаются. Но и эти меры не повлекли заметного улучшения – в пострадавших от неурожая 1891-го губерниях наличный хлеб не доходил до 25% требуемой законом нормы, а иногда не превышал и 15%. Впрочем, возможность замены хлебных запасов денежным капиталом была с воодушевлением воспринята земскими учреждениями. Сельские общества принялись активно заменять хлебные запасы деньгами, и к началу 1893 года общественные капиталы



Наследник престола, будущий император Николай II унаследовал 4 млн рублей золотом. Он решил отложить эти деньги, употребляя проценты с капитала на благотворительность. Впрочем, сумма эта была израсходована им всего за три года, и практически все миллионы золотых рублей цесаревич пожертвовал на помощь голодающим, когда возглавлял Комитет по борьбе с голодом 1891–1892 годов.

в 45 губерниях европейской части России составили 35,4 млн рублей (правда, 52% числилось в ссудах и недоимках). Весь продовольственный капитал империи относился к специальным средствам Министерства внутренних дел; в случае голода из него по представлениям губернаторов выдавались ссуды до 50 000 рублей на губернию, на ссуды больших размеров требовалось дозволение Комитета министров. Выданные деньги три года числились как беспроцентный долг на земских управах, а далее по не выплаченному в срок ссудам с недоимщиков взималось 0,25% в месяц.

Во второй половине XIX века особо можно отметить голодовки, ставшие следствием неурожая 1873, 1880, 1883, 1891–1892 и 1897–1898 годов; самым страшным из них стал голод 1891–1892-го. Начался он с бескормицы из-за очень скудного урожая 1891 года (недород составил 16,7 млн тонн, или 30% сбора всех зерновых по сравнению с самым урожайным до этого 1887-м), и осенью голодало уже около 32 млн человек. В июне 1891-го Комитет министров

признал ситуации крайне серьезной, в июле был полностью запрещен экспорт ржи, а в августе в голодающие губернии по железным дорогам потянулись тысячи вагонов с зерном. В ноябре император Александр III принял чрезвычайные меры по борьбе с голодом, включая программу общественных работ и назначение специальных уполномоченных для разрешения транспортного кризиса, возникшего в связи с движением в голодающие районы большого количества грузовых вагонов. Голодным было направлено более 1,7 млн тонн продовольствия (отличилось и американское движение помощи голодающим, собравшее для России более 10 000 тонн продовольствия и \$178 000); несмотря на это, избыточная смертность в 1892 году составила 400 000 человек. Но, с другой стороны, вот что пишет об этом самом сильном голоде Лев Толстой: «Бедствие несомненное: хлеб нездоровый, с лебедой... Но смотришь на народ, на его внешний вид, – лица здоровые, веселые, довольные. Все в работе, никого дома. Кто молотит, кто возит... В праздник престольный пили больше обыкновенного, да и в будни попадались пьяные. Притом самый хлеб с лебедой, когда приглядишься, как и почему он употребляется, получаешь другое значение... Хлеб с лебедой был в этом случае не признаком бедствия, а приемом строгого мужика для того, чтоб меньше ели хлеба, – так же, как для этой же цели и в изобильные года хозяйственный мужик никогда не даст теплого и даже мягкого хлеба, а все сухой. «Мука дорогая, а на этих пострелят разве наготовишься! Едят люди с лебедой, а мы что ж за господа такие!» ... В таком положении не только нынешний год, но и всегда все семьи слабых, пьющих людей, все семьи сидящих по острогам, часто семьи солдат...»

Неурожай случались и в начале XX века: в 1901–1902 годах голодало 49 губерний, в 1905–1906 и 1908-м – от 19 до 29 губерний, в 1911–1912-м голод охватил 60 губерний, где страдало от голода 20 млн человек, а умерло от голода и его последствий, по некоторым спорным оценкам, до 4 млн. Но с подъемом революционных настроений голод в России стал инструментом политики – правительство более всего было озабочено тем, как скрыть масштабы голодовок, а Государственная

дума при любой возможности вмешивалась в работу правительства по преодолению последствий неурожая. Причем депутаты часто исходили из узкопартийных интересов, используя голод для достижения своих политических целей, – так, под предлогом требований о контроле за расходованием средств Дума в десятки раз сокращала суммы, запрашиваемые правительством на борьбу с голодом, а затем депутаты выезжали в губернии для проведения этого самого контроля и там рекламировали каждый свою партию как подлинно заботящуюся о благе голодающих... Впрочем, политические игры думских депутатов не помешали правительству установить на зерно твердые цены, которые частные торговцы не имели права превысить; одновременно запрещался вывоз зерна за границу, пока экспортер не отчитается о продаже определенных объемов зерна по низким ценам в голодающих губерниях.

Неоспоримо, что в России начала XX века голод перестал быть непреодолимой силой, обрекающей людей на смерть; он по-прежнему был несчастьем – но несчастьем, с которым правительство решительно боролось, а часто – всего лишь синонимом слова «неурожай». Не стоит забывать, что неурожай случались и в других странах – и в Европе, и в Америке, в чем не было ничего удивительного при тогдашнем уровне развития агротехники и преимущественно ручном труде. Власти империи предпринимали вполне естественные для каждой цивилизованной страны меры помощи неурожайным районам, и с каждым годом меры эти становились все более результативными. Другое дело, что нормальный исторический путь развития России остановился в 1914 году с Первой мировой войной – и вовсе прервался в роковом 1917-м...

Век нынешний и век минувший

В своей знаменитой книге «Народная монархия» Иван Солоневич – убежденный монархист, белогвардеец, эмигрант – писал: «Факт чрезвычайной экономической отсталости России по сравнению с остальным культурным миром не подлежит никакому сомнению. По цифрам 1912 года народный доход на душу населения составлял: в США 720 рублей (в золотом, довоенном исчислении), в Англии – 500, в Гер-

мании – 300, в Италии – 230 и в России – 110. Итак, средний русский еще до Первой мировой войны был почти в 7 раз беднее среднего американца и больше чем в 2 раза беднее среднего итальянца. Даже хлеб – основное наше богатство – был скуден. Если Англия потребляла на душу населения 24 пуда, Германия – 27 пудов, а США – целых 62 пуда, то русское потребление хлеба было только 21,6 пуда – включая во все это и корм скоту. Нужно при этом принять во внимание, что в пищевом рационе России хлеб занимал такое место, как нигде в других странах он не занимал. В богатых странах мира хлеб вытеснялся мясными и молочными продуктами и рыбой».

А ведь 21,6 пуда (354 кг) на человека в год, включая зерно на корм скоту, – это средняя цифра, учитывающая и обед купца в шикарном петербургском ресторане, и пропитание батрака в далекой губернии. Причем в 1912-м, во время высшего взлета экономики Российской империи! Но это данные Солоневича и за 1912 год – по официальным данным Министерства внутренних дел, в 1913-м производство зерна составляло 528 кг!..

За прошедшие с тех пор без малого 100 лет сельское хозяйство и России, и всего остального мира изменилось до неузнаваемости. Хлеб для нас уже давно не является наиважнейшим продуктом питания, как в дореволюционные и первые послереволюционные годы, когда он был основой всего и «валютой валют» (хотя и 150–100 лет назад питался народ не только хлебом единым – с середины XIX столетия вторым по важности продуктом стал картофель). Но и сейчас средний россиянин потребляет хлеба вдвое больше, чем житель любой развитой страны, – 340 г в день, изделия из зерна определяют около 75% пищевого рациона по калорийности, а производство зерна в стране в 2007 году составило 82 млн тонн. Так или иначе, голодные годы остались для России в далеком прошлом – как и для любой экономически развитой страны.

По данным ООН, с 1945 года производство продовольствия во всем мире возросло невиданными ранее темпами, но полностью расстаться с голодом человечеству так и не удалось. Хотя с начала 1960-х доля голодающего населения в странах



Если в эпоху Александра III в год собирали в среднем по 48,6 млн тонн зерновых, то средние урожаи в конце XIX – начале XX века были в 1,4 раза выше (69,7 млн тонн в год), а потенциал зернового хозяйства (по урожаю 1913 года, максимальному при Николае II) достиг 93 млн тонн (528 кг зерна на душу населения). Впрочем, по данным Министерства внутренних дел империи, рост сборов зерновых сопровождался сокращением обеспеченности зерном в расчете на одного человека. Сокращением неочевидным, если судить по среднегодовым урожаям, но бесспорным, если сравнивать годы наивысших урожаев (без учета экспорта зерновых): в 1842–1843 гг. на человека приходилось 625 кг, в 1870 и 1878 гг. – 506 кг, в 1894 г. – 535 кг и, наконец, в 1913 г. – 528 кг. Если же брать среднегодовые цифры урожаев, то производство зерна на одного жителя империи составляло: в 1797–1800 гг. – 491 кг, в 1801–1825 гг. – 517 кг, в 1826–1854 гг. – 523 кг, в 1855–1880 гг. – 432 кг; в 1881–1894 гг. – 425 кг, в 1895–1916 гг. – 462 кг. За годы Первой мировой войны самообеспеченность России зерном резко снизилась – с 528 кг в 1913 г. до 375 кг на душу населения к осени 1917-го.

третьего мира снизилась с более чем 50 до 20%, голод представляет для них серьезную угрозу, и положение с продуктами питания там особенно осложнилось в связи с глобальным продовольственным кризисом. Казалось бы, продовольствия на планете сегодня достаточно для здоровой жизни каждого, но при этом 800 млн человек – больше всего населения Европы – ложатся спать голодными и 24 000 каждый день умирают от голода и связанных с ним болезней! Так что голод остается глобальным вызовом для всей нашей цивилизации...

С 1945 года главную роль во всемирной борьбе с голодом играет Организация Объединенных Наций. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) реализует серьезные социальные программы, направленные на улучшение питания и укрепление продовольственной безопасности беднейших слоев населения, прежде всего сельского. Реализуемые с помощью ФАО проекты ежегодно привлекают более \$2 млрд

пожертвований от государств и организаций, которые направляются на развитие деревни и сельского хозяйства. Девиз ФАО – «Помогаем построить мир без голода», и можно надеяться, что в будущем для всего человечества голод окончательно станет не более чем далекой историей.

Дети в столовой для голодающих, 1891 год



Народная столовая в селе Большое Мурашкино Нижегородской губернии, 1892 год

